

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ О ВОЙНЕ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Афанасьев И.Н.

*Гомельский государственный университет
им. Франциска Скорины, Республика Беларусь*

ПОЛКОВНИК ЛИЗЮКОВ И ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ: КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА

Аннотация. В статье на документальной основе разоблачается исторический миф о заслугах генерала Власова в обороне Москвы и обосновывается исключительная роль Александра Лизюкова в спасении советской столицы. Исторические аргументы, которые приводит автор, позволяют утверждать, что именно полковник Лизюков руководил боевыми действиями 20-й армии.

Ключевые слова: исторический миф, битва за Москву, Северная группа войск обороны Москвы, контрудар Лизюкова, освобождение Красной Поляны, Солнечногорская операция, освобождение Волоколамска.

Afanasyeu I.N.

*Gomel State University named after Francisk Skaryna,
Republic of Belarus*

COLONEL LIZYUKOV AND GENERAL VLASOV: THE END OF THE HISTORICAL MYTH

Abstract. In the article, on a documentary basis, the historical myth about the merits of General Vlasov in the defense of Moscow is exposed and the exclusive role of Alexander Lizyukov in saving the Soviet capital is substantiated. The historical arguments presented by the author suggest that it was Colonel Lizyukov who led the military operations of the 20th army.

Key words: historical myth, battle for Moscow, liberation of Krasnaya Polyana, Lizyukov's counterattack, Northern Group of Defense Forces of Moscow, Solnechnogorsk operation, liberation of Volokolamsk.

История податлива мифу. Иногда для того, чтобы явить потомкам подлинность судеб и свершений, требуется не только усердие историков, но и государственная воля. 15 февраля 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ о награждении полководческим орденом Жукова генерал-майора Александра Ильича Лизюкова «за умелую организацию боевых действий войск в ходе стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах» (посмертно) [6]. Основанием для посмертного награждения явились четыре представления Лизюкова – Героя Советского Союза с августа 1941 года! – к ордену Ленина и к трем орденам Красного Знамени, которых он так и не удостоился. Даже посмертно, в августе 1942 г. Указ Президента России отразил весь боевой путь Лизюкова в Великую Отечественную войну. Но, безусловно, ключевыми моментами в посмертном награждении Лизюкова спустя 76 лет после его гибели в танковом бою под Воронежем и спустя десять лет после обнаружения его останков в безымянном фронтовом захоронении были именно Москва 1941 г. и Воронеж 1942 г.

В первом случае миф украл у Лизюкова победу.

Во втором – объявил его проигравшим.

Трудно найти полководца Великой Отечественной войны такого масштаба, кому миф причинил бы столь беспощадный урон. Не вдаваясь в подробности аргументации, которые представлены в книге автора этих строк «Судьба командарма Лизюкова: версии, мифы и правда», не лишним будет все же обозначить главное заблуждение. Пятая танковая армия Лизюкова не *была расформирована*. Правда командарма восторжествовала даже после его смерти. 27 июля 1942 г. телеграммой заместителя Наркома Обороны Н.Я. Федоренко штаб Брянского фронта был извещен об отмене приказа о расформировании армии [14]. Но исторический миф до сих пор не щадит ни правды факта, ни человеческой и профессиональной репутации полководца.

Еще большая мгла укрыла судьбу Лизюкова под Москвой.

Миф – не тот покров, под которым уютно правде. Из тьмы истории и сумерек нынешнего исторического невежества на главную роль спасителя Москвы в ноябре – декабре 1941 г. выдвинулся генерал А.А. Власов, который накануне решающей битвы за советскую столицу был назначен командующим 20-й армией. Его «заслуги» в защите Москвы стали главным оправдательным мотивом биографии генерала-иуды. А значит, человеческая и полководческая судьба Александра Лизюкова перестала быть делом личной памяти. И здесь взаимоисключающие оценки вклада Власова в разгром немцев под Москвой сплелись в невообразимый узор, который современная историческая наука умудряется терпеть до сих пор.

Щепетильность патриотически ответственных историков, обнаруживших подписи Власова под оперативными документами 20-й армии в декабре 1941 г., как будто признала на этом основании очевидное, хотя и неприятное, доказательство его присутствия в войсках (несмотря на утверждения советских предшественников об отсутствии Власова по болезни). Однако при этом чудным образом не воспрепятствовала доводам тех, кто провозгласил Власова не предателем, а знаменем борьбы против «сталинской тирании». В тенденциозной книге К. Александрова «Мифы о генерале Власове», например, указывается: «7 декабря командарм объявил личную благодарность пилотам 562-го истребительно-авиационного полка...» [1, с. 93]. И наоборот, К. Александров задается вопросом, который был поставлен еще в советской историографии, допускавшей чисто формальное, декоративное исполнение командующим своих обязанностей, но переводит этот вопрос в разряд риторического: «Если в первые десять дней контрнаступления Власов даже и находился в госпитале, о чем нет документальных подтверждений, что мешало ему руководить войсками и принимать оперативные решения на основании поступавших донесений и докладов?» [1, с. 92].

Между тем 28 ноября Штаб обороны города Москва выдает Лизюкову Удостоверение «в том, что он действительно является командиром Северной группы войск обороны г. Москвы» [5], а буквально на следующий день, 29 ноября, Ставка издает Директиву

№ 498 о преобразовании «опергруппы Лизюкова в 20-ю армию» [7, с. 313]. Все это время Лизюков продолжает исполнять свои прямые командирские обязанности, которые с переменной названия его группы не изменились. Власов в Москве визирует документы, по которым уже были приняты решения в стремительно менявшейся оперативной обстановке (в 30 километрах от Кремля) и исполнена воля самой истории.

На «круглом столе» в редакции «Военно-исторического журнала» Г.К. Жуков рассказал об этом едва ли не больше, чем в знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях»:

«...когда контрудары 1-й Ударной армии и **группы Лизюкова** (выделено мной. – И.А.) начали отбрасывать противника, в порядке логического продолжения все это нарастало и в конце концов к 8 декабря вылилось в более широкое контрнаступление. ...А первая постановка задач 30 ноября предусматривала очень короткие задачи контрударного порядка. Задачи войскам по глубине не превышали 20–30 километров. (Реплика. Кое-где побольше, в пределах полсотни километров). ...[Контрнаступление] пошло как развитие контрударов» [3, с. 93].

И важнейший из них нанесла переданная Западному фронту из Московской зоны обороны 20-я армия, которую Г.К. Жуков по-прежнему называл «бригадами Лизюкова»:

«Почему была введена в дело 20-я армия? Красная Поляна – это 22 километра от Москвы. У нас на этом участке получилась “дырка”. И только группа Лизюкова была поспешно выведена (из Московской зоны обороны – И.А.), заткнули эту “дырку”. Туда же по приказу Сталина выехал Булганин с задачей отобрать обратно у противника Красную Поляну. Речь шла только о Красной Поляне, но не дальше» [3, с. 94].

К тому моменту, когда подпись Власова, вполне возможно, скрепила очередной доложенный ему факт, Лизюков, возглавив пехотные порядки, несколько раз лично водил бойцов в атаку 1 и 3 декабря. Член Военного совета 20-й армии, дивизионный

комиссар П.Н. Куликов докладывал Заместителю Наркома Обороны – армейскому комиссару I ранга Е.А. Щаденко (орфография сохранена):

«...в начале декабря противник прорвал бы фронт в районе Киево, и Дмитровское шоссе было бы перерезано, но благодаря личного героизма (водил лично Лизюков 3 раза в атаку и ликвидировал прорыв)» [11].

Заместитель командующего поднимает дрогнувших бойцов в атаку, идет под пули тогда, когда вот-вот готова лопнуть тоненькая нить, соединившая исход большой войны с этим отчаянным порывом, потому как гибель Отечества лишает смысла и собственную жизнь.

Успех боев за Красную Поляну развивает наступление 20-й армии на Солнечногорск. Контрудар бригад Лизюкова вгрызается в боевые порядки врага, рушит классическую диспозицию военной науки, набирая мощь масштабного контрнаступления всего Западного фронта, и превосхищает вопрос маршалу Г.К. Жукову 25 лет спустя: «Нельзя ли разграничить во времени контрудар и контрнаступление? Его не было, такого резкого. Одно переплеталось с другим, одно вытекало из другого. Я думаю, надобности в академическом разграничении нет» [3, с. 94]. Отчет о Солнечногорской операции тоже приобретает рельефность события в игре света и тени, в сопряжении контрастов, где, казалось бы, обезличенный замысел командования периодически получает персональное измерение в действиях того, кто руководит операцией в боевой обстановке – предельно динамичной, неуловимо изменчивой, презрительной к академическим выкладкам военных школ и педантичной основательности штабов. И это не командарм Власов...

Действия частей определяются не приказами командарма, а директивами Военного совета 20-й армии. В то же время у наступления на главных направлениях есть имя и должность. Руководство операцией по окружению и уничтожению противника в Красной Поляне «возлагалось на зам. Комвойск Героя Советского Союза полковника Лизюкова» [12]. Именно Лизюков лично руководит

операцией по освобождению Солнечногорска и предстает в тех подробностях решений, действий и сопутствующих обстоятельств, которыми, на первый взгляд, можно было бы пренебречь. Однако драматизм сюжета реальной фронтовой обстановки требует уважения к мелочам и рассказа о том, что Лизюков, находившийся в 31-й танковой бригаде, которая ворвалась в Солнечногорск и встретила там яростное сопротивление немцев, отправляется за подкреплением в 35-ю стрелковую бригаду, «застав ее за завтраком» [13]. «Подняв бригаду по тревоге», Лизюков направляет стрелков на Солнечногорск: они врываются в город и закрепляют успех танкистов [13]. Армия идет на Волоколамск и 20 декабря очищает его от немцев, по-своему разрешая спор о том, вернулся ли командарм Власов к управлению армией в эти дни? Е. Кригер и Е. Петров в статье «Конец Волоколамского направления» сообщают читателям «Известий» о наступлении «частей генерал-майора Власова», но беседуют с полковником Лизюковым, «руководившим операцией по взятию города» [4, с. 2].

Когда смершевец В.О. Богомолов разоблачал миф о генерале Власове под Москвой в романе Г. Владимова «Генерал и его армия», он вооружал себя даже армейской субординацией и уличал не нюхавшего порошу писателя в незнании азбуки военного дела:

«...положение о Военных Советах было разработано и утверждено Сталиным и там был определен и строго ограничен перечень лиц, входивших в состав Военного Совета: командующий, его первый заместитель, член Военного Совета (политработник), начальник штаба, командующий артиллерией и заместитель командующего по тылу – все это в войну были генеральские должности» [2].

Заместитель командующего 20-й армией Лизюков генералом не был. Однако в его армейской судьбе необходимый воинский ранжир восстанавливала правда ближнего боя. В разгар сражения за Красную Поляну, которую с севера атаковала 64-я стрелковая бригада, начальник штаба бригады майор Горбачев на желтом листке в клеточку, вырванном из блокнота, торопливым карандашным росчерком сообщал «командиру танковой группы»:

«Командующий армией Герой Советского Союза полковник Лизюков (выделено мной. – И.А.) приказал передать Вам. Ваша танковая группа подчиняется командиру 64 стрелковой бригады. 3.12.41 г. 12.55» [15].

Сколько таких переданных Лизюковым приказов так и канули в гущу боя, не оставив казенных следов в архивах? Командующий армией просто делал свою работу – *командовал армией*. Обстановка изменялась стремительно, и отнюдь не по регламенту армейского делопроизводства, на которое просто не было ни времени, ни сил.

Времени и сил хватало у Власова. Не обделенный заботой на больничном постое осенью и зимой 1941 г., он и в 2010 г., когда появилась книга К. Александрова, вкусил все прелести почти родственной заботы о себе. К. Александров, как преданный летописец Власова, готов был заботливо укутать своего кумира в теплые зимние одежды и выдать все это за доказательство прибытия генерала на передовую вверенной ему армии. Вслед за К. Александровым процитируем строчки из письма генерала законной супруге (сохранив оригинал):

«О себе напишу, что я сейчас здоров. Ухо у меня поправилось. Стал немного слышать. Врачи обещают слух восстановить полностью (левое ухо). ...У меня все есть о мне не беспокойся. Одет я очень тепло. Шуба, кожанка, валенки – все есть не беспокойся. Кормят очень хорошо. Вообще наша жизнь теперь стала веселее – главное бьем фашистов и гоним их без оглядки» [8, с. 90].

Командарм, который 11 декабря 1941 г. (за день до освобождения Солнечногорска и почти через неделю после освобождения Красной Поляны) **«стал немного слышать»**, – явление невообразимое! Прочитуй К. Александров письмо Власова целиком, отпала бы также надобность в утеплении генерала, и не только в буквальном смысле. Несколькими строчками выше: **«Я теперь буду бить** (выделено мной. – И.А.) фашистов, вернее уже бьем их и гоним далеко от Москвы» [8, с. 90].

«Буду бить» – значит, раньше «не бил», что, впрочем, честно согласуется с генеральской глухотой. Однако гром победы, подержанный газетными славословиями освободителю и защитнику Власову, которому лавры победителя снискала сражавшаяся без своего командарма армия, пробивает даже его глухоту. Ожидание скорого участия в деле сменяется бодрыми здравицами в честь уже одержанных побед, от которых Власов больше не склонен себя отделить. В тот же день во втором письме он рапортует жене: «Крепко бьем фашистов, пощады не даем» [8, с. 90]. В помощь лживой браваде Власова – его портрет на первых полосах всех советских газет, который 13 декабря 1941 г., через два дня (!) после признания генерала в болезни, глухоте и подготовке к фронту, напечатан в ряду наиболее отличившихся военачальников под сообщением Совинформбюро о поражении немцев под Москвой.

На лютом московском морозе зимы 1941–1942 гг. устоять было куда трудней. Никакие ухищрения уже не смогли бы подогреть тщеславие Власова, который 4-го января 1942 г. вынужден был подписать наградной лист Александра Лизюкова к ордену Ленина и подтвердить очевидное и неизбежное:

«Тов. Лизюков с 30.XI.41 г. по 1.I.42 г. **все время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии** (выделено мной. – И.А.). 1. и 3.12.41 г. т. Лизюков лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. Лизюкова и он один из первых вошел в город. Личный героизм и умение руководить боевыми действиями войск т. Лизюков достоин награды орденом Ленина» [9].

Описание подвига вплоть до деталей и «товарища Булганина» совпадает с тем, о чем Г.К. Жуков четверть века спустя рассказывал в редакции «Военно-исторического журнала». Однако Герой Советского Союза Лизюков своего третьего ордена Ленина не получил и вообще награжден не был. Недоброжелатели Лизюкова угодливо шепнули бы о переоценке его заслуг перед Москвой и Отечеством. Однако член Военного совета 20-й армии П.Н. Куликов 21 января 1942 г. писал заместителю Наркома обороны Е.А. Щаденко:

«Т. Лизюков мне доложил, что Командующий фронта т. Жуков отменил представление к ордену “Ленина” т. Лизюкову и ордена “Красное Знамени” его адъютанту т. Пиндак (так в тексте. – И.А.). Докладываю Вам и прошу это представление удовлетворить. Если бы был здесь т. Булганин, который хорошо знает их боевую работу, то мне не пришлось бы обращаться к Вам... В боях за Красную Поляну, Солнечногорск, Волоколамск, Ивановское т. Лизюков показал мастера-организатора боя и своим личным героизмом увлекал к победе. Считаю, помимо получения Героя Советского Союза, т. Лизюков заслуживает награждения, и **если только будет представление отставлено, то командиры и комиссары 20 армии будут обижены** (выделено мной. – И.А.)» [11].

Заступничество товарищей-окопников, само по себе трогательно и дорогое, поддержано не было...

Высшему командованию, как водится, видней?

Заслуги Лизюкова были на высоте и открыто не оспаривались. Усомниться в них не позволяла Ее Величество История, у которой, однако, испокон веков в знакомцах пребывают и честный, открытый бой, и потайные житейские тропы.

Все, что случилось с наградным листом к ордену Ленина за спасение Москвы, разъяснил сам Александр Ильич в рапорте на имя Е.А. Щаденко, подготовленном по приказу заместителя Наркома Оборона. Военный совет Западного фронта сослался на то, что звание генерал-майора, присвоенное Лизюкову 10 января 1942 г., и есть награда за Москву. Выслуга лет, которая наперекор любому здравому смыслу «держала» Лизюкова в полковниках с 1936 г., в расчет не принималась, хотя Военные советы 16-й армии в сентябре и 20-й армии в декабре 1941 г., т.е. еще до представления к ордену, ходатайствовали о генеральском звании для Александра Ильича, с начала войны находившегося в непрерывных боях и уже отмеченного званием Героя Советского Союза [10].

Лизюкова упорно оставляли в полковниках. Не для того ли, чтобы в будущем не командовал генералами? Теми, кому ни выслуга, ни победы не нужны были, чтобы бесперебойно получать новые

звания и ордена. По примеру Власова, который в январе 1942 г. удостоился ордена Красного Знамени и попутно шагнул в генерал-лейтенанты...

Те, кто с полковником Лизюковым во главе армии поднимался в штыковую на последних столичных рубежах, остались с ним до конца.

Иноземный враг был повержен. Однако исход битвы с власовщиной все еще не предрешен. Наверное, из этой штыковой полковник Лизюков вернется только тогда, когда в Москве появится улица его имени и памятник ему – одному из выдающихся спасителей столицы в битве 1941 г. Как это сделали Воронеж, родной Лизюкову Гомель и мемориал «Тербунский рубеж» в Липецкой области, увековечивший поле боя Пятой танковой армии Александра Лизюкова в июле 1942 г., когда все так же отступить было некуда и позади все так же была Москва...

Литература

1. Александров К.М. Мифы о генерале Власове. М.: Посев, 2010. 256 с.
2. Богомолов В. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия... // Свободная мысль-XXI. 1995. № 7. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BOGOMOLOV.HTM> (дата обращения: 08.10.2020).
3. Жуков Г.К. Из неопубликованных воспоминаний // Коммунист. 1988. № 14. С. 87–101.
4. Кригер Е., Петров Е. Конец Волоколамского направления // Известия. 1941. 21 декабря (№ 301). С. 2.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 452. Оп. 1. Д. 64. Л. 3.
6. Президент Российской Федерации: официальный сайт. Москва. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/42817> (дата обращения: 15.02.2018).
7. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1941 год / Институт военной истории Министерства обороны РФ; Историко-архивный военно-мемориальный центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ; ЦАМО РФ; под общ. ред. В.А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16 (5-1). 448 с.
8. «Ты у меня одна...». Письма генерала Власова женам (1941–1942) / публикация канд. ист. наук Натальи Перемышленниковой // Источник. 1998. № 4. С. 89–117.
9. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 6. Л. 3.
10. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 6. Л. 7 об.

11. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Ед. хр. 6. Л. 8.
12. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1042. Л. 52.
13. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1042. Л. 65.
14. ЦАМО РФ. Ф. 469. Оп. 6046. Д. 39. Л. 323.
15. ЦАМО РФ. Ф. 1868. Оп. 0000001. Д. 0001. Л. 15.